

Материалы к биографиям ученых и инженеров

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ ГОРОЖАНКИН В УНИВЕРСИТЕТЕ И В ЖИЗНИ

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

И сейчас я вспоминаю о И. Н. Горожанкине с благодарностью. Это был замечательный ученый, до сих пор недостаточно оцененный.

Л. С. Берг

Профессор Московского университета, крупный русский ботаник Иван Николаевич Горожанкин (1848—1904) был создателем в России сравнительно-морфологического метода. И. Н. Горожанкину принадлежит открытие мирового значения — установление подлинной картины полового процесса у хвойных растений. Существовавшие до этого воззрения на эту тему известного немецкого ботаника Э. Страсбургера самим же Страсбургером после этого были отвергнуты. Исследования Горожанкиным зеленых водорослей вошли в современную науку как классические [1]. Автор ряда важных научных работ, ценных курсов лекций по ботанике в целом, по морфологии и систематике в частности, прекрасный лектор и педагог, он был создателем обширной московской школы ботаников-морфологов, известной в науке под названием «горожанкинской». «Можно без преувеличения сказать, что большинство морфологических исследований, сделанных в России в конце XIX — начале XX столетий, вышло из школы Горожанкина», — писал последний его ученик, крупнейший ботаник К. И. Мейер [1, с. 5].

К. И. Мейер написал две монографии о своем учителе [1, 2], однако в них отражена главным образом его научная деятельность. В литературе неоднократно встречаются воспоминания о Горожанкине как о замечательном лекторе, педагоге, учителе, о его редком душевном обаянии (см. [1, 3, 4]). На основе опубликованных и архивных данных, материалов писем Горожанкина, хранящихся у автора, наконец, записей рассказов о нем двух его дочерей (ныне покойных О. И. Арнольди и Е. И. Алексеевой — матери автора) в настоящем сообщении делается попытка полнее раскрыть личность этого ученого.

* *

*

И. Н. Горожанкин родился 16 августа 1848 г. в Воронеже в семье чиновника. Еще в младенчестве он потерял мать. Об отце, к которому перешло воспитание двоих сыновей, известно мало. Судя по справочникам, Николай Степанович Горожанкин в 1848—1869 гг. был бессменным секретарем Воронежской казенной палаты [5, 6, 7]. По отзыву самого Ивана Николаевича, это был человек «с крепкими трезвыми убеждениями и довольно серьезно начитанный» [1, с. 20]. Его сыновья воспитывались в строгих нравственных правилах, что, видимо, и сказалось на духовном облике И. Н. Горожанкина. От природы исключительно музыкально одаренный¹, Николай Степанович передал музыкальность и любовь к музыке своим детям.

¹ По словам Ивана Николаевича, его отец в музыке был редким самородком. Самоучкой на концертной гитаре он исполнял собственные переложения Моцарта, Бетховена и других классиков, ноты которых удавалось достать.

В 1865 г. Иван Николаевич окончил Воронежскую гимназию и стоял перед выбором специальности. Отмена крепостного права 19 февраля 1861 г. и последовавшая за ней недолгая «эпоха великих реформ» всколыхнули умы всей мыслящей России. В ноябре 1864 г. была провозглашена судебная реформа, начали открываться гласные суды. Молодежь захватили новые веяния, и многие потянулись к юридическим наукам [8]. И. Н. Горожанкин поступил на юридический факультет Московского университета. Однако через год он перешел на первый курс физико-математического факультета: видимо, понял, что юридические науки — не его призвание.

Здесь в то время преподавали ботаники Н. Н. Кауфман, И. Д. Чистяков, С. А. Рачинский, зоологи С. А. Усов, Я. А. Борзенков и др. Горожанкин ревностно принялся за изучение естественных наук и избрал специальностью ботанику. Тема «кандидатского рассуждения» («Сем. Тгораеоласеае и его место в системе») была дана ему, как полагает К. И. Мейер, Н. Н. Кауфманом, но кончена работа была в 1871 г., уже после смерти последнего, и до нас не дошла (утрачена И. Д. Чистяковым). Работа произвела впечатление, и Горожанкин со степенью кандидата был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию.

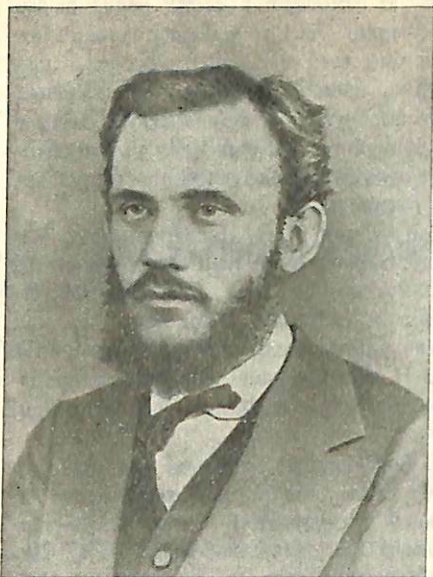
О студенческих годах ученого известно мало. Есть глухие сведения, что он был близок с сокурсником Н. А. Абрикосовым — интересным человеком, порвавшим со своей семьей (владельцами известного кондитерского предприятия) и еще до университета страстно увлекавшимся Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, Д. И. Писаревым, теорией Ч. Дарвина [9, с. 27]. Не желая быть в тягость отцу, Горожанкин преподавал различные предметы в частных домах. Он был репетитором детей переводчика Данте миллионера-англомана М. А. Горбова, дружбу с которым он пронес через всю жизнь².

Судьба не баловала Горожанкина уже со студенческой скамьи: в 1870 г. умер Н. Н. Кауфман, другой ботаник — И. Д. Чистяков был болен туберкулезом и все годы проводил в Италии, а С. А. Рачинский в это время оставил университет и уехал в свое имение Татево. Ботанику Горожанкину пришлось пользоваться советами профессоров зоологов — С. А. Усова и особенно Я. А. Борзенкова. По традиции молодой ученый после сдачи магистерских экзаменов должен был завершать образование в лучших научных центрах Европы, но Горожанкин в 1872—1873 гг. был вынужден читать в университете морфологию растений вместо Н. Н. Кауфмана.

О раннем периоде преподавательской деятельности И. Н. Горожанкина свидетельствует М. А. Мензбир. «Когда в 1874 г. я поступил в Московский университет, — вспоминает он, — Иван Николаевич был совсем молодым преподавателем, читавшим, кажется, только третий год, но именно его возраст и присущая ему мягкость характера делали легким для нас, новичков, сближение с ним, тем более что он не только не чуждался этого сближения, а шел ему навстречу. Самое малолетство нашего курса (нас было на I курсе только 11 человек), как и остальных курсов естественноисторического отделения, невольно придавало лекциям характер простых бесед, что особенно было выражено в лекциях уже старых профессоров — С. А. Усова, Я. А. Борзенкова и молодого Горожанкина. Наш курс легко сошелся с последним, многие (относительно) заинтересовались ботаникой... Из нашего выпуска вышли первые ученики Горожанкина: Д. А. Кожевников... и В. И. Беляев» [10]. Облик молодого Горожанкина того непродолжительного счастливого времени запечатлен на дошедших до нас (неопубликованных) photographиях (рис. 1).

Но именно в это время его ждал тяжелейший удар судьбы, от которого полностью оправиться Горожанкину не было суждено. В 1872 г. Иван Николаевич сделал предложение падчерице профессора Московского университета А. Н. Сабаннина, которой еще студентом давал уроки истории (эту науку он любил и хорошо знал). То была девятнадцатилетняя родственница потомков историкографа Н. М. Карамзина Анна Александровна Уварова. Предложение было принято, свадьба состоялась, но счастье быстро оборвалось: в 1873 г. жена скончалась при родах, оставив новорожденную дочь. В страда-

² В имени Горбовых студент-репетитор Горожанкин держал себя независимо. Характерен случай: на пляже он не выдержал гнусного поступка его ученика с одним из слуг и в бешенстве его поколотил (решив тут же уехать). Но М. А. Горбов оказался полностью на его стороне, конфликт был улажен.

И. Н. Горожанкин (начало 1870 г., публикуется впервые)

Ивана Николаевича — дочь, и Чистяковой — трое: две дочери и сын)... В 1878 г. священник соседней церкви Адриана и Натальи обвенчал их. Пошли дети: в 1879 г. родился сын Михаил, в 1880 г. — Сергей, в 1881 г. — дочь Екатерина (мать автора). В доме на Первой Мещанской было теперь семь детей! Жизнь стала невероятно трудна. К тому же брак не был счастливым: близости с новой женой у Ивана Николаевича не возникло, утрата первой жены оставалась незаживающей раной. Александра Михайловна поняла, что брак был для нее ошибкой. Откормив младшую дочь, она ушла из дома вместе с детьми Чистякова. На руках Горожанкина осталось четверо, трое совсем младенцы...

Новый удар судьбы Горожанкин выдержал стойко. На 80-е — первую половину 90-х годов приходится пора расцвета его научной и педагогической деятельности. В 1874 г. уже была защищена и напечатана магистерская диссертация [11], в 1880 г. — докторская, признанная в науке «классической» [12]; в 1881 г. он избирается экстраординарным профессором, в 1885 г. ординарным. В 1882 г. усилиями Горожанкина были получены от частных пожертвователей брата и сестры В. А. Хлудова и В. А. Морозовой 15 тыс. рублей, и по его чертежам в Ботаническом саду строится (сохранившаяся и поныне) лаборатория (названная им за вынужденную неказистость «уксусный завод»). После ее открытия (1883 г.) ученый, наконец, вырывается за границу и посещает ряд западноевропейских лабораторий. В 1891 г. в Ботаническом саду отстраивается большая пальмовая оранжерея. За время, когда садом заведовал Горожанкин, там значительно увеличилось количество культивируемых растений, он стал образцовым.

По общему признанию, Горожанкин был прекрасным администратором и организатором. Его день начинался рано. Выходя из спален, дети заставляли отца в строгом пиджаке (традиционное правило передовой русской интеллигенции: «дома, как везде») за поливкой домашних растений. В 8 утра в открывающуюся дверь кабинета они видели из-за спинки кресла неизменную лысину В. А. Дейнеги: за утренним кофе директор сада обсуждал с ассистентом работы текущего дня. У ворот уже ждал добровольный извозчик Антон, чтобы везти «профессора Ивана Николаевича» в университет. Если он не задерживался, то с тем же Антоном (снова поджидавшим его) возвращался и руководил работами в саду, оранжереях, вел практические занятия со студентами и т. д. В одном из писем В. М. Арнольди вспоминает, как часто Горожанкин с учениками задерживался у микроскопа далеко за полночь.

³ Хранятся в архиве автора — Л. В. Алексева.

Страстную увлеченность наукой Горожанкин сочетал с интересами к литературе, истории, к общественно-культурной жизни. Из писателей-современников, помимо И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, он выделял особенно Н. С. Лескова, подписывался на журнал «Русская старина», в 1880 г. участвовал в торжествах по поводу открытия памятника А. С. Пушкина (речь Ф. М. Достоевского его потрясла), не пропускал концертов А. Г. Рубинштейна, а позднее И. Гофмана, бывал в театрах (например, на генеральной репетиции 101-го представления оперы «Демон» под управлением автора) и т. д.

Как же преподавал Горожанкин? Как относился к ученикам и студентам? Как студенты и ученики относились к нему?

«Простота и ясность характеризовали... преподавание Ивана Николаевича,— вспоминал его слушатель А. Арсеньев,— его аудитория всегда была полна. Иван Николаевич не был оратором, читал ровным голосом и самым простым языком, всегда иллюстрировал лекции цветными рисунками (мелками) на доске, которые чертил чрезвычайно быстро. Эта простота изложения, отсутствие всякого намека на аффектацию, необыкновенная последовательность, ясность и логичность его мысли, в связи с проглядывающей любовью к своему предмету, делало его лекции крайне привлекательными и интересными. Разумеется, главный интерес заключался в их содержании. Читая курс морфологии и систематики растений — предмет, считавшийся довольно сухим и скучным... Иван Николаевич умел вложить в него живое содержание: он строил свой курс на биологической основе, постоянно выдвигая на первый план связь между строением растения и окружающей средой, в его лекциях всегда проводилась связующая идея, которая оживляла их и придавала им стройность и интерес» [13].

Нужно сказать, что чтение лекций не было простым делом для Горожанкина. При огромных познаниях и большой эрудиции, он всегда к ним тщательно готовился. И все-таки при его неврастеничной натуре и застенчивости каждая лекция стоила ему больших нервных сил. Он говорил, что он всякий раз был вынужден остановиться в темноте тамбура, чтобы преодолеть волнение, и затем уже открыл дверь в огромную многоликую залу, где ряды слушателей поднимались почти до потолка.

Для Горожанкина было характерно исключительное отношение к тем студентам, в которых он чувствовал пробуждение живого интереса к науке. «Сплошь и рядом,— вспоминает А. Арсеньев,— после лекций студенты заходили к нему в кабинет или даже останавливались в передней, и Иван Николаевич очень охотно вступал в продолжительные объяснения по поводу прочитанного. Устроив лабораторию в Ботаническом саду, <он> предоставил студентам возможность широко ею пользоваться; сумел создать <в ней> так хорошо научную атмосферу, что заниматься у него было большим удовольствием и пустых мест в лаборатории не бывало». Если разговор происходил в Ботаническом саду и интерес студента был явно серьезным, он немедленно вступал с ним в обстоятельные объяснения, «шел со своим собеседником в библиотеку или оранжерею и, случалось, тут же читал целую лекцию» [13]. По словам В. М. Арнольди, «удивительной способностью обладал Иван Николаевич привлекать и группировать около себя научные силы... Обращался ли <он> к изучению флоры окрестностей Москвы, вокруг него образовывался кружок флористов и организовывались экскурсии Лаборатории Ботанического сада, ...которых до сих пор не могут забыть их бывшие участники; садился он за микроскоп, за исследование водорослей, занимающиеся в лаборатории Ботанического сада превращались в микроскопистов... Молодые студенты, только что поступившие в университет и увлеченные новизной обстановки, нередко проходили мимо него, как мимо другого заурядного преподавателя. Но одна-две беседы... и невольно устанавливалась та связь, которая крепла все больше и больше, так как ищущий находил гораздо больше, чем мог себе представить» [3, с. 274].

Если серьезность и теплота были характерны для Горожанкина в его отношениях со студентами, то каково же было его отношение к ученикам, оставленным им при университете, и просто сотрудникам! «Эти люди,— свидетельствует Арнольди,— становились как бы членами семьи Ивана Николаевича, о которых он заботился, как о близких родных. Начинались хлопоты по обеспечиванию материального положения молодого ученого. Если скудное ассистентское жалованье не могло удовлетворить нужд молодого человека, добывались уроки... После сдачи учеником магистерского экзамена следовали хлопоты о заграничной командировке» [3, с. 274].

Замечательные строки о кончающем студенте, его ученике (будущем заведующем кафедрой высших растений МГУ) К. И. Мейере, находим в письме И. Н. Горожанкина к В. М. Арнольди от 30 января 1903 г.: «Дорогой Владимир Митрофанович! ... Мне очень понравился Ваш отзыв о Ганешине, просто талантливый отзыв. Но Вы прибавляете: «но можно ли всем быть глубоким? Из того, что Вас окружает, не один ли Лев Иванович (Курсанов.— Л. А.) обещает быть таким?»... Рад сказать Вам, что есть и еще один: это известный Вам Мейер. По Вашем отъезде, пятеро пожелаали писать работы по водорослям для курсового сочинения. По приезде в Москву, четверо передали мне свои работы: все добросовестно занимались летом и недурно написали... Более всего медлил Мейер, и вместо избранных им очерков местной флоры (не разб.: Ока? — Л. А.) подал работу о *Sphaeroplea annulina*. Он нашел ее где-то около Рязани в одиночку. До трех часов ночи я читал эту работу, зачитался и решил сразу: напечатать ее по-немецки, напечатать по-русски (она может служить начинающим, как некогда вынесли свою службу мои русские работы по *Volvocinae*), а Мейера немедленно оставить при университете. Как эта работа напомнила мне первые работы Герасимова! А его язык и приемы как напоминают работы Ценковского! И как бы, казалось, после работ по *Sphaeroplea annulina* Кона, Гейнприхера, Рауеноля, Голенкина и др. написать по этому вопросу что-нибудь самобытное, что стоило бы напечатать!»⁴.

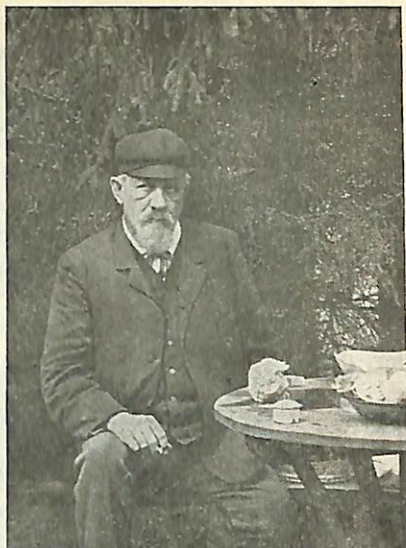
Ученики Горожанкина очень высоко ценили учителя. В 1899 г. молодой В. М. Арнольди, незадолго до того женившийся на дочери Горожанкина, приехал в Мюнхен для занятий у Гёбеля. Получив от жены письмо с описанием свадьбы М. И. Голенкина, 15 июня 1899 г. он отвечал: «Желаю ему от души всего счастья, спокойствия и способности к работе, ведь он должен заменить И(вана) Н(иколаевича), а тут за границей, при сравнении с другой лучшей лабораторией и других отношений между профессорами и учениками, тут рельефнее, чем дома, вырисовывается вся громадность личности Ивана Николаевича, его научность, его пытливость и прежде всего человечность! Дай Бог, желаю всего сильней, чтобы М(ихаил) И(льич) дал ученикам то, что давал — если только они хотели взять — Иван Николаевич. Не знаю, получил ли много при этом сам М(ихаил) И(льич). Не начал ли он, подобно Ростовцеву, тоже перетягиваться за границу. Нет, дорогая Оля, после школы И(вана) Н(иколаевича) здесь нечему учиться. Тут можно спокойно работать, можно у разных специалистов учиться их специальностям, можно у Гёбеля узнать массу интересных подробных сведений и расширить свои горизонты, но учиться работать там нашей лаборатории нечего. Здесь нет самого главного. Профессор не зажжет огня в том, в ком можно его зажечь, Гёбель не сядет среди студентов работать и помогать им и отдавать печатать свои работы от их имени, а норовит сам проехаться за их счет, сваливая на них весь процесс черновой работы, а себе оставляя лишь поле для обобщений, наблюдений и печатать все от своего имени» (архив автора).

Передача в новую лабораторию гербария из университета возродила у Горожанкина интерес к флористике. Участились постоянные флористические экскурсии, в которых ученый принимал активнейшее участие. Больше всего он занимался флорой Оки, но бывал также и в других местах, в частности на Кавказе (Балкария). Два года вместе с детьми он жил во Владычном монастыре под Серпуховом, где много экскурсировал в окрестностях. Монахини относились к «профессору» с большим теплом и участием. Недавно отгремел нашумевший судебный процесс, где их игуменья Митрофания (баронесса Розен) судилась за небывалые в то время преступления — подделку векселей для получения огромных сумм на нужды монастыря — и была выслана (1874 г.) (см. [14, 15]). Имя Митрофании не сходило с уст любивших ее монахинь, и Иван Николаевич много и подробно расспрашивал их, стараясь уяснить себе этот необычайный случай.

Есть еще один угол зрения, под которым хотелось бы рассмотреть деятельность Горожанкина: общественное лицо. По выражению Н. И. Пирогова, университеты (уже в 60-х годах!) были чуткими «барометрами общества». В последней четверти этого столетия студенческое движение перешло, мы знаем, в новую фазу. Студенты клеймили презрением тех профессоров, которых считали реакционными, отшатывались от тех, кто не соглашался с их общественной программой и за посмертный панегирик

⁴ Из архива автора — Л. В. Алексеева.

Александр III в 1894 г. даже освистали всеобщего любимца В. О. Ключевского... Горожанкин держался демократических взглядов, протестовал против лишения университетов автономии по уставу 1884 г. и получил с друзьями коллегами «высочайший выговор». Студенческие интересы были ему близки, и по просьбе студентов он даже организовал общество взаимопомощи студентов-естественников. Но он не был трибуном, подобно К. А. Тимирязеву. Человек науки, далекий от политики, он на общественное движение имел свои взгляды. К сожалению, у нас мало данных на этот счет, но кое-что все же есть. Вот драгоценное свидетельство (увы, не развернутое!) упоминавшегося А. Арсеньева. Мы застаем Горожанкина беседующим в своем кабинетегостинной с делегатами бастующих студентов во время «крупных студенческих беспорядков». «Иван Николаевич усадил нас в своей гостинной, и мы долго беседовали: он поразил меня своим ясным и трезвым взглядом на волновавшие нас вопросы; он много говорил тогда

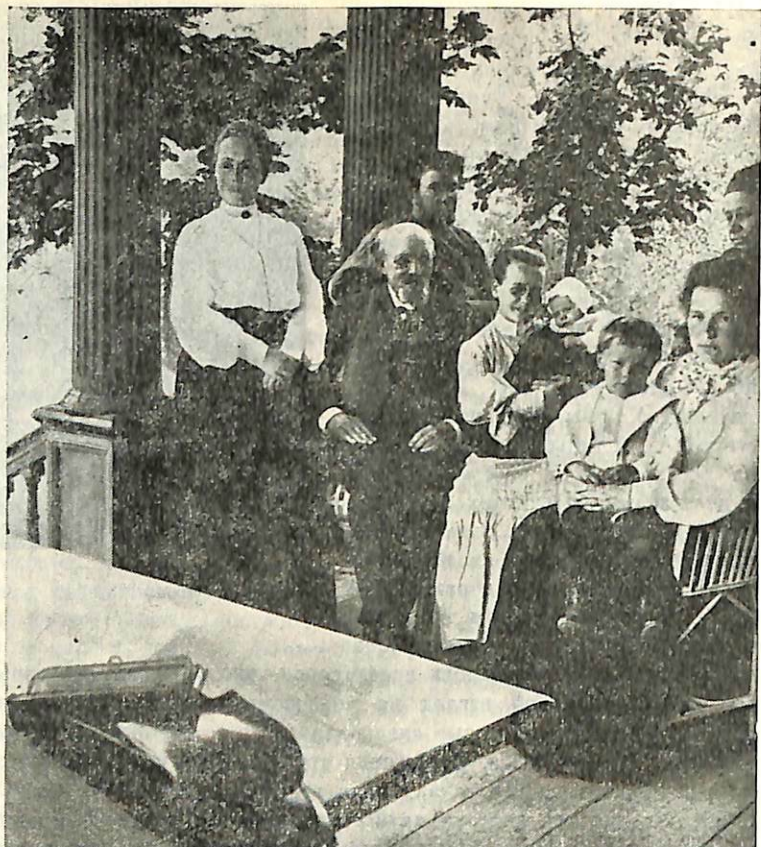
И. Н. Горожанкин на даче в Мухоме (1902 г.)

о щекотливом и трудном положении профессоров, указывал на некоторые ошибки студентства, высказывал свой взгляд на университетский вопрос и в заключение формулировал те положения, которые следовало бы восстановить студентам и которые, по его мнению, имели смысл. Положения эти шли дальше тех, которые были выставлены нами и гораздо глубже захватывали вопрос. На меня эта беседа произвела сильное впечатление, так как многому дала освещение» [13]. Нельзя не пожалеть, что, вероятно, по цензурным соображениям, Арсеньев опустил столь поразившие его воззрения ученого на университетский вопрос и, вероятно, на другие злободневные темы. Как бы то ни было, по воспоминаниям моей матери, полууниверситетской квартиры Горожанкина (куда он переехал в 1902 г., оставив по болезни руководство садом) был устроен шинелями, на которых спали студенты. Полиция в квартиры профессоров не входила. В конце концов Горожанкин получил от царя «высочайшее замечание».

Расцвет научной деятельности ученого кончился, как мы сказали, к середине 90-х годов. Неудачно сложившаяся жизнь, моральные перегрузки⁵, хронический недуг, вылечить который не удавалось,— все это в конце концов надломило духовные силы ученого, привело к сильнейшему нервному заболеванию, выразившемуся в периодической апатии. Исследовательская работа ученого стала нерегулярной, большинство ценнейших наблюдений не доводилось им до публикации. Интереснейшее исследование о хламидомонадах в своей третьей части (наблюдения 1893 г. над *Chlamydomonas coccifera*—богатой формой, «закрывающей весь ход эволюции полового процесса в этой группе» [1, с. 39], написанной вчерне, с прекрасными рисунками автора в цвете) так и не было доведено до печати (через 12 лет его обработал и издал В. М. Арнольди) [16]. Незаконченными остались и многие другие, крайне интересные, по свидетельству К. И. Мейера, работы Горожанкина [1, с. 39]. Врачи требовали перемены обстановки, жизни на воздухе, поездок в края с другими климатическими условиями. У Ивана Николаевича возникла идея покупки участка земли под Москвой (рис. 2, 3)⁶, в середине 90-х годов он организовал две не забываемых участниками ботанические экс-

⁵ Помимо личных переживаний, по свидетельству К. И. Мейера, Горожанкина глубоко оскорблял постоянный административный нажим властей на университет, за которым следовали студенческие волнения и репрессии. «Он всегда очень близко принимал к сердцу интересы учащейся молодежи и всегда был активным участником выступлений профессуры в защиту прав университета и молодежи» [1, с. 40].

⁶ На купленном участке земли близ нынешней станции «Театральная» Белорусской ж. д. И. Н. Горожанкин построил дачу и развел парк с редкими растениями, выписанными из заграницы (ныне зона отдыха Менделеевского института).

И. Н. Горожанкин в кругу семьи (1903 г., публикуется впервые)
 Сидят: И. Н. Горожанкин, С. И. Горожанкин (сын), А. В. Горожанкина (жена сына),
 с дочерью Натальей, О. И. Горожанкина-Арнольди (старшая дочь И. Н.) с сыном
 К. В. Арнольди (известный советский энтомолог, крупнейший мирмеколог — 1901—1982)
 Стоят: О. М. Арнольди-Иванцова, Е. И. Горожанкина (справа, вдова брата
 И. Н. Горожанкина)

курсии на Кавказ в сопровождении учеников (В. М. Арнольди и др.), сына Сергея, дочери Ольги. Это были, по-видимому, последние дальние поездки профессора, но помогли они его здоровью мало...

* *
 *

Восьмого февраля 1900 г. тепло отмечали двадцатипятилетний юбилей научной деятельности И. Н. Горожанкина. Поздравить Горожанкина приехали к нему Умов, Сабанеев, Лейст и Мензбир, многочисленные ученики. Из письма Горожанкина к Арнольди от 15 апреля 1900 г. мы можем узнать, как сам он смотрел на юбилей, на свои жизненные итоги. «Сердечно благодарю Вас за Ваше посвящение работы, присланной как дар в день 8 февраля. Курьезно, что до получения письма от Гёбеля (7 февраля вечером) я решительно не знал размеров празднования и, по правде сказать, был очень этим смущен. Нечего врать: мне было приятно видеть участие ко мне массы моих учеников (в альбоме оказалось 30 ботаников и много неботаников), но празднование, как оно ни было мило-просто, для меня не было особенно радостно. Дело в том, что я очень хорошо знаю, что я за 25 лет делал и чего не сделал. Из памяти моей не уходят те обстоятельства, которые не давали мне зачастую работать так, как я мог и хотел, а теперь наступили условия здоровья, когда я решительно теряю надежду когда-либо опять приняться за работу, и оценка близкими прошлого мало веселила и ободряла меня. Во всяком случае, и утро 8 февраля, когда собирались у меня, и вечер в Московском трактире, где были только интересные для меня люди,

кружок, и кружок чистый и очень милый,—все это были хорошие часы...» (Архив автора).

Ивану Николаевичу было 52 года. Жить оставалось неполных четыре... Здоровье действительно уходило. Ботанический сад 1902 г. был передан М. И. Голенкину, из дома на Первой Мещанской Горожанкин выехал навсегда.

Но судьба готовила Горожанкину новый удар.

Летом 1904 г. при неловком движении Иван Николаевич почувствовал острую боль в шейных позвонках. Врачи констатировали самое худшее — саркому. Он скончался через три месяца, 7 ноября 1904 г.

Газеты сохранили описание похорон московского профессора. При большом стечении народа гроб с его останками проследовал от Татъянинской церкви Московского университета по Охотному ряду (проспект Маркса), Лубянке (ул. Дзержинского), Сретенке, Первой Мещанской (проспект Мира) к Виндавскому (Рижскому) вокзалу на Пятницкое кладбище, где Горожанкин был похоронен вблизи могилы весьма чтимого им Т. Н. Грановского. Путь этот был обратным тому, который почти ежедневно совершал в течение своей жизни Горожанкин, отправляясь на лекции в свой любимый университет. Студенты весь путь несли гроб на руках...

* *
*

И. Н. Горожанкин оставил после себя свои труды, созданную им самую крупную в то время школу ботаников-морфологов, в прекрасном состоянии ботанический сад университета, в памяти учеников остался неповторимый образ учителя. Особенною школы Горожанкина стали «широкий научный кругозор, всесторонний интерес к ботанике, отсутствие замыкания в излишне узкой области и вместе с тем точное и глубокое исследование разрабатываемых вопросов» [1, с. 84—85]. Вот имена его учеников, которыми наука по праву может гордиться: В. М. Арнольди, А. П. Артари, В. И. Беляев, Ф. В. Бухгольц, Н. И. Гайдуков, И. М. Герасимов, М. И. Голенкин, Л. М. Кречетович, Л. И. Курсанов, К. И. Мейер, В. В. Миллер, С. И. Ростовцев, Б. А. Федченко, А. Ф. Флеров, Н. В. Цингер. Ученики Горожанкина всегда сохраняли свойственные им особенные черты... Они воспитали своих учеников, наследовавших все черты горожанкинской школы и занявших также видное место в науке (Е. Н. Герасимова-Навашина, В. А. Поддубная-Арнольди, И. Д. Романов, Л. А. Шкорбатов и др.).

Литература

1. Мейер К. И. Иван Николаевич Горожанкин и его роль в развитии русской ботаники (1848—1904). М., 1966.
2. Мейер К. И. Ботаник И. Н. Горожанкин и его школа (1848—1904). М., 1940.
3. Арнольди В. М. Памяти профессора Ивана Николаевича Горожанкина.— В кн.: Труды Ботанического сада Имп. Юрьевского университета, 1906. Т. 6, вып. 4.
4. Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М., 1930.
5. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
6. Адрес-календарь и штат Российской империи на 1848 г. Спб., 1848.
7. Адрес-календарь и общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям Российской империи на 1869 год. Спб., 1869.
8. Кони А. Ф. Из лет юности и старости.— В кн.: Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1969, т. 7.
9. Абрикосов Х. Н. Семейная хроника. Отд. рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Ф. 369.372.14.
10. Мензбир М. А. Памяти Ивана Николаевича Горожанкина.— Русские ведомости, 1904, № 312.
11. Горожанкин И. Н. Генезис в типе пальмеллеvidных водорослей (опыт сравнительной морфологии сем. Volvocineae).— В кн.: Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1874.
12. Горожанкин И. Н. О корпскулах и половом процессе у голосемянных растений.— Уч. зап. Моск. ун-та, 1880, вып. 1.
13. Арсеньев А. Памяти Ивана Николаевича Горожанкина.— Русские ведомости, 1904, № 40.
14. Судебная хроника. Дело игуменьи Митрофании.— Московские ведомости, 1874, № 248 и сл.
15. Забелина Е. П. Дело игуменьи Митрофании. М., 1874.
16. Beiträge zur Kenntniss Morphologie und Systematik der Chlamydomonaden. 3. Chlamydomonas coccifera.— In: Bull. Soc. Nat. Moscou, 1905.